

ПОСЛЕВОЕННЫЙ
КРИМИНАЛЬНЫЙ
РОМАН

КОРОЛИ ГОРОДСКИХ ОКРАИН

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

**КОМНАТА
С ЗАГАДКОЙ**

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Художник – *А. Дурасов*

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Комната с загадкой / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Короли городских окраин. Послевоенный криминальный роман).

ISBN 978-5-04-194611-1

Черда странных событий взбудоражила городскую окраину. Колька Пожарский услышал в комнате одинокой соседки Татьяны Брусникиной чужие шаги, кинулся ловить вора, но тот ускользнул. А спустя время из проходящего поезда на насыпь выпал труп, как выяснилось позже — пожарного инспектора, который тоже приходил к Брусникиной. Вскоре у все той же Татьяны нашлась двенадцатилетняя дочь. Ее считали погибшей во время войны... Капитан милиции Николай Сорокин не верит в совпадения. Вместе с Колькой и его друзьями оперативники решают присмотреться к одинокой женщине и ее загадочной комнате...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-194611-1

© Шарапов В., 2023
© Оформление ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Медицина — точная наука. Ею давно исследованы все самые важные вопросы. Скажем, когда дитя должно поднять головку и удержать ее хотя бы полминуты без посторонней помощи. Или в каком возрасте важно проползти первые несколько сантиметров по-пластунски. Известно также, во сколько лет можно выдавать первую ложку каши, а также сколько зубов и когда должно вылезти, когда маленькому гражданину год, два, три. Примерно понятно, какого роста и когда полагается достичь.

А опытный доктор, заведующий психиатрическим отделением, не мог не сокрушаться насчет того, как фатально медицина не поспевает за жизнью. Особенно та часть, которая отвечает за голову. Ведь несмотря на все научные открытия, доподлинно неизвестно, что должно твориться в голове у девчонки лет двенадцати, которая, имея целых две руки, две ноги и один язык — то есть все необходимые инструменты для того, чтобы обратиться за помощью, как-то устроить жите-бытье, — вместо того полезла в петлю, предварительно налившись до бровей дурной водкою.

Теперь вот стоит чинно, руки по швам, уперши глаза в пол, и на все вопросы лишь послушно говорит: «Ясное дело». И что ей может быть ясно...

В психиатрическое отделение девочка поступила после недельного излечения в терапии, туда попала по «Скорой». Пошла престарелая интеллигентка под оградку Ваганьковского кладбища, наковырять старым ножиком черного перегноя, подкормить гераньку, поникшую за зиму. Отправилась ближе к сумеркам, стесняясь соседей (по старой буржуазной памяти), и чудом разглядела подслеповатыми глазами странный фрукт на дереве. А вот не пошла бы старушка — и девица осталась бы на месте, тут же, за оградой.

По счастью, бабуля и не растерялась, сразу и кинулась веревку перерезать. Быстрота старой москвички и невероятное для нежного возраста выпитое количество водки — вот, как оказалось, в чем был рецепт чудесного спасения. Врачи предположили, что организм был до такой степени оглушен алкоголем, что даже помер от удушья не сразу. А там и ангел в виде старушки с ножиком подоспел.

Теперь девчонка, отмытая, остриженная, в белой ситцевой рубашке ниже колен, смиренно стояла перед медиком и ждала, что будет дальше.

Заведующий, вздохнув, принялся ее осматривать. А ведь обычная девочка, выглядит так, как и положено в ее возрасте и положении. Лишь шрам от борозды на шее, аккуратно обработанный и уже почти

КОМНАТА С ЗАГАДКОЙ

совсем подживший, напоминал о том, что пыталась с собой сотворить отроковица.

— И ничего не помнит, — утвердительно произнес заведующий.

— Все верно, — подтвердил фельдшер, — ниче-гошеньки. Ни с кем была, ни с кем пила, ни с чего вдруг в петлю полезла.

— А это? — заведующий указал глазами.

Фельдшер тотчас намек понял, покачал головой:

— Нет-нет. Чиста, как первый снег.

— Притом судимая. Странные дела на свете творятся.

Он снова просмотрел документы. Только и есть что справка об освобождении из Каширского женского исправдома, в связи с истечением срока заключения. Откинулась вот уж два года как.

— Послушай-ка, Степан Лукич. Тут год рождения указан тысяча девятьсот двадцать восьмой.

Заведующий снова обратился к девчонке:

— Рот открой. Шире. Еще. Довольно, закрывай. Сами видите: по зубам не более двенадцати-тринадцати.

— Зато водку хлещет, как взрослая.

— Ну водка — что водка.

Педант фельдшер не унимался:

— И не только водку. В анализах у нее еще и какая-то зараза, необычный состав, с опиумом.

— Ну, понеслась. Не надо все в одну кучу валить. Без надзора, без воспитания еще не то бывает. Мало ли, кто что в себя вливает, а исходить надо из того,

что зубы чужие во рту не растут. Не может ей быть за двадцать.

Степан Лукич выдвинул версию:

— Метрика восстановленная?

Через их руки много таких прошло, с неточностями в документах, с прочерками в графах «Отец» и «Мать», с грифом «Восстановлено», с именами, фамилиями и отчествами «крестных» — врачей эвакуационных пунктов, нянечек, медсестер. Никто не установит личность такого эвакуированного, без гражданского розыска это совершенно невозможно, а заниматься этим некому.

Заведующий спросил, где метрика, фельдшер сказал, что ее и не было.

— Охо-хо. И все-таки, дочка, как тебя звать?

Молчание.

— Не помнишь?

— Ясное дело.

— Давай вместе соображать. Маша?

Нет ответа.

— Настя? Лена? Галя? Тоня? Пес их вспомнит, как их там всех девиц зовут. — Заведующий, бывший холостяком, призвал на помощь фельдшера: — Какие еще имена есть?

— Аня, Катя, Лида, Зоя...

Девчонка обрадовалась:

— Зоя!

И фельдшер обрадовался:

— Смотри-ка, Антон Семеныч, прогресс!

КОМНАТА С ЗАГАДКОЙ

— Неплохо, — похвалил заведующий, — ну-с, Зоя, так-то не тошнит, голова не кружится?

— Не-а.

— А маму, папу, может, вспомнишь? Они приедут к тебе?

Молчание.

— Снова воды в рот набрала.

— Ничего, — сказал Антон Семенович, — родня найдется, ты вырастешь, не хуже других будешь. Еще на свадьбе твоей погуляем. А сейчас тебя нянечка тетя Паша отведет в палату, пока у нас обживайся.

Она смотрела, кивала, серьезно повторяя после услышанных фраз: «Ясное дело», а про себя думала: «Обживаться. Обживаться. Это от слова “жизнь”, так... какая тут жизнь? Я давно умерла, нет меня».

Санитарка проводила девочку в палату.

— Все койки пока свободны, выбирай, какая нравится... Все устроится, — пообещала она и, сунув кусок сахара в тощую руку девочки, ушла.

Закрылась дверь, повернулся ключ в замке.

Девочка села на койку у входа. Потом легла, почувствовав, что снова накатывает слабость. Легче не стало: лишь коснулась голова подушки, как тотчас в ней будто поднялись ядовитый туман и песчаная буря. Она прикрыла глаза. Странно это — гостить в собственном теле, ощущать его как чье-то чужое. Да и с головой беда, все эти мысли, картины — не поймешь, свои это или нет?

Она помнила, как очнулась в палате, а вот почему она там оказалась и с чего это так саднит горло и больно глотать — нет.

Зато помнила хорошо, до малейших деталей, до песчинки, что точно такая буря, как сейчас бушует в голове, поднималась в стеклянном шаре. Стоял такой на полке, где хранились книжки, написанные людьми с загадочными фамилиями — Скотт, Стивенсон, Твен и прочие. Внутри у него были три пирамидки — такие ма-а-а-аленькие, но как настоящие, и рядом с ними шли куда-то три крошечных верблюдика. Трогать шарик строго-настрого запрещалось, но можно было дожидаться, чтобы взрослые куда-нибудь ушли, чтобы, сняв волшебную вещицу, потрясти ее как следует.

И сразу же поднималась песчаная буря, а караван верблюдов самоотверженно, геройски шел по пыляющей равнине, плюя на непогоду. Они были такие красивые, эти корабли пустыни, и пирамиды тоже, и песок был золотистый.

А вот буря, что бушевала теперь в голове, была страшная, точь-в-точь как тогда, на неизвестной станции, где-то далеко-далеко от дома.

Дом... Он остался далеко. Тот самый, с теплым уютным камином, книжными полками, добрыми мамиными руками, папиной чисто выбритой щекой, ароматной, немножко пористой. Почему-то лиц уже и не вспомнить.

Наверное, зимой сорок первого она сильно болела, потому что не помнила, чтобы гуляла по снегу,

лепила снеговиков, каталась на коньках, и вышла на улицу только тогда, когда потеплело. Помнила, что делали очень болезненные уколы, от которых хотелось лезть на стену. Потом пошли с мамой в больницу, и врач сказала отправляться в санаторий. Она, испугавшись страшного слова, немедленно разревелась, и тетенька, сама огорчившись, строго спросила:

— Умереть хочешь?

Зоя отвечала вызывающе, вредным голосом:

— Хочу! Хочу! Хочу!

Мама, перепугавшись, взяла ее на руки, принялась целовать, уговаривать, а врач, хмуря брови и скрывая улыбку, лишь приговаривала: «Ничего, ничего, собирайте» — и объясняла, что все будет исключительно хорошо — свежий воздух, чистая речка, деревенское молоко и много бутербродов с маслом.

Икая, девочка требовательно спросила:

— С б-булкой?

— С булкой, — заверила честная тетенька. И не обманула.

Оказалось, что много было таких же мальчиков и девочек, которые, отплакав и выяснив, что никто не собирается их слушать, утешились. Увидели, что в санатории здорово! Светлые золотистые сосны, как столбы, подпирали синее небо, журчала прозрачная вода по круглым камушкам, стлалась под босые пятки мягкая трава, и желтый песок был как бархатный ковер.

Перед сном ласковые нянечки успокаивали, рассказывали сказки, а медсестра давала невкусный рыбий жир и вкусные яблоки.

Тогда-то она впервые забыла о доме, маме, папе и вспомнила лишь тогда, когда стало страшно. Забегали, собрали во дворе, кто в чем был, в панамках, рубашках, трусах и сандаляках. Даже самые добрые медсестры и воспитательницы ничего не объясняли, лишь поторапливали: «Поскорее, ребята, побыстрее, отправляемся в поход». Подогнали грузовики, всех загрузили в кузова, помчались по дороге, поднимая песчаную пыль... тогда еще золотистую, как в том волшебном шаре, с верблюдами.

Прибыли на вокзал и всех перегрузили, как маленьких барашков, в вагоны, и вот уже поезд... нет, не помчался, а пополз толстой гусеницей по рельсам, медленно, пропуская встречные составы, на дощатых боках которых были нанесены красные кресты.

Зоя помнила, что из одного выглядывал кто-то страшный, весь замотанный бинтами в красных и бурых пятнах, и гудел, как пароход: «Не туда. Не туда. Поворачивайте». Она решила, что он глупый.

А еще подбегали на каждой станции незнакомые тетеньки, впихивали в их и без того переполненные вагоны еще девочек и мальчиков, угрюмо молчащих или зареванных. Были те, которые уже не могли плакать и лишь икали. Тетеньки подскакивали, отрывая от себя цепляющиеся пальчики, тянули их вверх и выкрикивали:

- Витя Маслов!
- Маня Сурова!
- Мурочка Чащина!..

И называли прочие имена и фамилии.

В поезд брали всех, никому не отказывая, и вот уже места кончились, такая куча ребят собралась, что сидеть можно было лишь по очереди. А состав все полз и полз, было в нем, как казалось им, глядящим в окошки на поворотах, вагонов сто. Постепенно, отревевшись, дети успокоились и даже подружились. Мальчишки принялись хулиганить, девочки — расчесывать спутанные волосы, заплетать их друг дружке, чему их первым делом научили нянечки, у которых рук не хватало содержать в опрятности всю эту компанию.

И ребят все везли. На каждой станции, на которой останавливался состав, бежали люди, стягивались машины. Сначала они вместе с соседкой по нарам — Катей, она была тоже с санатория, — смотрели, кого грузят, потом надоело. Как раз Катя, выглянув в отверстие, которое заменяло окно, сказала:

- Самолет летит.
- Какой? — спросили снизу.
- Наш, — твердо сказала нянечка, — фашистов всех перебили.

Катя вдруг заверещала:

— Падает! Бегите! — и, прыгнув с нар, бросилась вон из вагона — по ногам, по головам, по чьим-то игрушкам.

Зоя почему-то бросилась за ней.

Остальные же ребята остались, с любопытством выглядывая из «окон» и дверей на то, как разрезают синее небо красивые черные самолеты, из которых взаправду что-то сыпалось, как крупа из мешка.

Потом грянул взрыв, второй, третий... сотый. Все потонуло в грохоте, дыме, шипении, криках, вагоны тряслись, из них вываливались какие-то вещи, одеяла, сумки, тела.

Зоя отбросило ударной волной, она лежала, впечатавшись лицом в траву, зажмурившись. Темно вокруг и пахнет жженым, точь-в-точь как когда у мамы молоко убегало с плиты. Наконец страшный гул начал удаляться, лишь тогда она рискнула поднять голову и оглядеться.

Поезда не было, полыхали вагоны, отовсюду слышались ужасные крики, стоны. Повсюду валялось цветное тряпье, и Зоя не сразу поняла, что это те самые мальчики и девочки, которых она только что видела живыми. Прямо над головой, на черной ветке, висела тряпкой чья-то маленькая нога в красной сандали. Зоя поняла, что сейчас умрет, ей показалось, что она крикнула, хотя на самом деле она, как заклинание, прошептала: «Мама! Мама...» И снова легла вниз лицом.

Потом стало слышно, как оглушительно вопят и хлопают крыльями вороны. Их была туча, они закрывали солнце. А оно между тем поднялось высоко, жарко припекало мокрую майку на спине. И страшный, кровавый, мясной запах все усиливался.

Зоя вновь оторвала голову от земли и тотчас услышала в небе гул. Он приближался. На этот раз она не колебалась: вскочила и помчалась невесть куда — главное, чтобы подальше от этого места. И вдруг появились восставшие из тряпья живые мальчики и девочки, и теперь они уже побежали за ней. Падали и поднимали друг друга, волокли за ручки задыхающихся малышей. Так, ватагой, пробежали светлую березовую рощу — и перед ними открылось картофельное поле, все в горбах, до самого горизонта. Тут и взрослому непросто бежать, а ребята запрыгали, как блохи.

И снова налетели черные туши с крестами. Раздались крики: «Разбегайтесь!», «Ложись!» — и все попадали между грядок, вжались в землю.

Тень от крыльев закрывала землю, самолеты летели низко, чуть ли не чертя по ней брюхом. Кто-то из ребят не выдерживал, вскакивал и пускался бежать — тогда самолеты плевались огнем, и дети валялись, кувыряясь.

Зоя как упала, так и провалялась на поле до ночи, вытянувшись в струнку. Лишь когда ноги начали отмерзать, решила встать. Она не плакала, ничего не боялась, просто отупела от горя и страха. И еще ужасно хотелось есть! Зеленые ростки на горбах грядок показались знакомыми растениями, Зоя запустила пальцы в землю и откопала картошку.

Ей приходилось жевать сырую картошку, и она ей нравилась, но та картошка была вкусной, крепенькой, хрустела на зубах, а эта была вялой, горь-